

A photograph of a man with a tattoo on his back relaxing in a pool. In the background, there is a large stone statue of a woman, possibly a deity or historical figure, surrounded by lush greenery. The scene is set outdoors, with trees and foliage visible in the background.

Линара Юркина

Танцы с шаманом

История для тех, кто ищет...

Линара Юркина

**Танцы с шаманом. История
для тех, кто ищет...**

«Издательские решения»

Юркина Л.

Танцы с шаманом. История для тех, кто ищет... / Л. Юркина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740894-7

Рожденные в разных частях света, герои книги жили в своих мирах, но им было суждено встретиться. Моя история о судьбоносных встречах, которые, как ветер, меняют направление наших парусов, и о людях, которые обладают даром прикосновения к нашей душе.

ISBN 978-5-44-740894-7

© Юркина Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	23
Глава 9	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Танцы с шаманом История для тех, кто ищет...

Линара Юркина

Фотограф Линара Юркина

© Линара Юркина, 2017

ISBN 978-5-4474-0894-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ева отодвинула повседневные заботы и обязательства, для того чтобы осуществить свою давнюю мечту. Она уехала вслед за сыном к морю на пару месяцев. Семья поселилась в доме на берегу моря в отдаленном районе острова Ко Чанг в Таиланде. Рано просыпались, варили кофе и смаковали его вкус под пение птиц, а не под тревожный выпуск телевизионных новостей. В это время Россия покрывалась снегом и трескучие морозы диктовали свои правила жизни. Вместо утренней зарядки Ева и сын Иван делали восьмикилометровый переход на дальний пляж, где белый песок и синева моря стирали все оттенки грустного. Ее сводили с ума запахи местных цветов, расслабленные лица людей, мелодичная речь иностранцев, кожа, впитывающая солнце, и время, которое тянулось медленно. Просиживая часами за обедом в кафе у моря, она пыталась понять, что делает человека свободным и почему большинство людей долго вынашивают мечту и кормятся лишь нектаром ожиданий. Со временем, размышляла она, их мечта пересыхает, и тогда они выискивают новые идеи, дающие вдохновение. Еве всегда казалось, что мечта – это глубинный зов; он, словно компас, направляет к гавани, где душа обретает временный покой. И, возможно, решимость на пути к мечте и делает человека свободным.

Глава 1

Как-то, вернувшись с пляжа и развешивая купальные принадлежности на ветках дерева, она увидела соседа. Он был похож на индейца – черные длинные волосы, тело сильное и жилистое, спина и грудная клетка покрыты татуировками. «Йог-дикарь», – подумала Ева.

В семь утра «дикарь» уезжал на стареньком мотоцикле, около четырех возвращался и делал нехитрую работу по дому, а к вечеру скрывался на чердаке дома. Ева поджидала соседа и наблюдала с террасы, как он сметает опавшие листья на поляне перед домом. Мышцы на руках «дикаря» вздрагивали, мокрые длинные волосы струились по спине. Его соски были проколоты, и на них висели стальные колечки, а в карих раскосых глазах было странное, временное выражение. Она смотрела на него сверху вниз через резное отверстие в деревянных перилах, испытывая неловкость за свое любопытство. Что-то выдавало в нем человека много пережившего и бесстрашного; казалось, что именно приобретенная в жизненных потрясениях отвага сделала его свободным. Это ощущение неудержимо притягивало Еву.

Несколькими днями позже, дождавшись отъезда странного соседа, Ева с сыном забрались на чердак дома и увидели идеальную площадку для занятий йогой. Это была бесцеремонная выходка, но надежда остаться незаметными и успеть до его возвращения вернуться к себе придавала им смелости. Они расстелили свои коврики для занятий йогой на каменном полу. Чердак был поделен на зоны. В одной была сооружена душевая кабинка, стояли пластиковые тазы на полу, тут же рядом приткнулись стол и стулья из бамбука, электрическая плитка на тумбочке. Чуть дальше начиналось пространство, огороженное ширмой, а за ней самодельная кровать, вещи вдоль стены, аккуратно висевшие на плечиках, телевизор, полки с книгами и фотографии в старых рамках. Ближе к выходу с деревянного свода свисала боксерская груша, стоял покрасневший от ржавчины тренажер с брусьями и турник. Остальная часть чердака была свободной, висели лишь два гамака, прикрепленные к деревянным столбам, поддерживающим крышу дома. Вид на море – с одной стороны, гора – с другой.

Ева расположилась на коврике и повторяла движения за сыном, тянулась всем телом, чередуя напряжение с приятным расслаблением. Во время скрутки неожиданно рано появился хозяин чердака. Он бесшумно поднялся по лестнице и, сверкнув глазами на непрошенных гостей, произнес:

– Прошу немедленно уйти.

Из необычного, но приветливого азиата он превратился в воина, охраняющего свою территорию, его глаза зло смотрели из темных впадин. Ева в смятении свернула коврик и, потирая сына, устремилась к выходу. Проходя мимо дикаря, она заметила на поясе деревянные фаллосы, словно бусы, окружившие его бедра. Деревянные члены самых разных размеров висели поверх джинсов, рождая ужас и недоумение в душе Евы. Извинившись и ощущая всю нелепость ситуации, они поспешно покинули чердак.

А следующим вечером, измученная любопытством, она пригласила в гости менеджера «виллы» Джо, и за бутылкой местного рома он поведал удивительную историю.

Глава 2

Странного человека звали Чонг, родился он в Бирме. Маленькая страна, которую с разных сторон подпирают Индия, Таиланд, Лаос, Китай и Бангладеш. Он рос в бедной семье. Его отец был местным доктором, и люди часто приносили в качестве благодарности за лечение еду. Однажды маленький Чонг отправился с отцом в лес за кореньями и травами, заигрался с разноцветным жуком и потерялся. Его искали всей деревней, он и сам пытался выбраться на равнину, но в итоге окончательно заблудился.

Первые дни малышу было невыносимо страшно. Он много плакал и звал маму с папой, надеясь, что они услышат и появятся из-за деревьев. В поисках людей и еды он набрел на дупло большого хлопкового дерева, которое стало для него убежищем. Корни дерева причудливо торчали и стелились по земле. Из подобранной с земли ветки Чонг сделал палку, которую держал при себе для отпугивания непрошенных гостей. Вначале только пугливые и любопытные ящерицы заглядывали к нему. Но вскоре Чонга окружили муравьи; большие черные, они нападали на мальчика, кусая и источая яд. Полчища насекомых жалили маленькое тело мальчика, он плакал от боли, призывая на помощь маму.

Под корой дерева была влага, Чонг слизывал живительную водицу, бродил неподалеку от дупла, но быстро уставал, забирался в свою норку и проваливался в сон.

Во время одной из вылазок Чонг наткнулся на семейку обезьян. Они резвились на поляне, скаля зубы. Детеныш со смешной рожицей попытался поиграть с Чонгом, но вожак стаи пресек игру. Досталось обоим: он укусил и детеныша, и Чонга.

Испуганный мальчик забрался в дупло и проплакал несколько часов. Рана от укуса на руке кровоточила, и, дождавшись, когда обезьяны уйдут, он стал искать знакомые травы, какими отец лечил людей и домашних животных. Рана от укуса обезьяны на следующий день стала затягиваться, покрываясь защитной коркой. Но Чонга все больше и больше пугали лес и его обитатели. Ночью, когда стихал ветер, были слышны одиночные зловещие крики ночных птиц и зверей, они леденили сердце малыша. Мальчик прижимал к груди палку и всматривался в ночные тени. Он постоянно думал о деревне, о родителях, стараясь отвлечься от самого большого страха – навсегда потеряться в лесу, умереть от голода или быть съеденным диким животным. В свои семь лет он уже видел, как умирают люди. Родители ему внушали, что умирает только тело, а душа живет вечно. Но правда была в том, что людей, лечившихся у отца, эта перспектива не утешала, они боролись за жизнь, пока силы не покидали их, они цеплялись за каждое утро следующего дня.

Малыш надеялся, что его найдет преданный пес, которого он два года назад лечил после драки с коршуном. Хищник пытался похитить недавно вылупившегося цыпленка, и пес бросился защищать собственность хозяина. В результате коршун унес цыпленка, а у пса были разодрано ухо и поврежден глаз. Чонг прикладывал травы и угощал собаку молоком, которое перед сном приносила ему мама. Пес привязался к малышу и, если убегал из дома, то ненадолго, стараясь при каждом удобном случае лизнуть своего лекаря. Чонг постоянно вспоминал своего друга и прислушивался к звукам леса, надеясь услышать его залиvistый лай. Но ничего похожего на спасение не происходило.

Чтобы ослабить страх, он стал разговаривать со всем, что встречалось ему на пути: с деревьями, травой, птицами, жуками и даже с муравьями. Казалось, мальчик слышал их нехитрые ответы, и тогда в его голове мелькала мысль, что все не так плохо, только мама не зовет на ужин и папа не ругает за грязные руки и ноги. Самым сложным было добыть еду и успеть улечься спать, прежде чем стемнеет; ночь наступала быстро, накрывая джунгли своим черным одеялом. Она была гораздо длиннее и тревожнее дня. Все лесные звуки становились страшными, холод стелился по земле и мешал малышу спать.

Шли дни. В радиусе трехсот шагов он подъел все природные запасы, сидеть дальше на одном месте было невозможно, пора было искать съедобные грибы и зрелые бананы. Однажды вместе с утренними лучами солнца ему пришла мысль искать реку, звуки которой он порой слышал в своих ночных видениях. Сложив ладошки на груди, Чонг, поклонившись, попрощался с деревом, взял палку и отправился на юг, ориентируясь по стволам деревьев, как учил его отец.

Мальчик, как во сне, брел по лесу, величавые деревья создавали прохладу. Но временами деревья расступались, и мелкий кустарник сплетался в непроходимые заросли; казалось, побеги наступают друг на друга и душат друг друга корнями, и только маленькое гибкое тело ребенка проворно пробиралось сквозь кусты, двигаясь быстро и почти бесшумно.

Как-то ночью Чонг проснулся от укусов летающих мошек и увидел фантастическое по красоте зрелище. Поляна светилась сотнями неоновых огоньков. «Грибочки», – догадался мальчик. Чонг перебрался с поляны на дерево и сверху неоновым светом, ему привиделись духи, которые, как сгустки огня, кружили над поляной, подлетали к Чонгу, дули щекотно ему в лицо и исчезли только с первыми лучами солнца.

Малыш потерял счет дням. Прошло полнолуние, а потом еще раз луна совершила весь цикл и зажглась на небе огромным серебряным диском. Ночи стали холоднее, начались дожди. Появилось много питьевой воды, ранки от укусов муравьев, moskitov и других насекомых перестали заживать. Чонг начал слабеть, хуже видеть и слышать. Ослабленный, он добрался до горной реки и ночевал под каменным валуном, который надежно укрывал его исхудавшее тело. Все чаще у него были видения духов, везде, словно огоньки родной деревни, мерещился неоновый свет; однажды вечером он услышал, как мама поет песню. Маленький Чонг, обрадованный и очарованный, побрел на ее голос. Нежное пение то замолкало, то звучало снова. Он шел, с трудом переставляя ноги. Постепенно голос стих, и он услышал шум воды. Солнце почти село, когда мальчик вышел к маленькому озеру и увидел водопад. Массы воды падали сверху и издавали грохот. Утром струи сверкали, как мамины перламутровые бусы, а ночью водопад пугал, издавая зловещее рычание. Он был похож на храм, такой же величественный и прекрасный! Мальчик решил, что здесь он будет ждать взрослых людей или сам превратится во взрослого, а там уже решит, что делать дальше.

Со слов Джо, Чонг провел в лесу семь лун, и на протяжении четырех лун шли муссонные дожди. Его домом стала пещера у водопада. В ней было постоянно сыро, но зато он мог пить чистейшую воду и соблюдать гигиену. Часто он видел, как к водопаду приходили слоны, пугливые и осмотрительные олени, стайки обезьян. Больше всего ему хотелось встретить Золотую обезьяну, о которой ему рассказывал отец. Обезьяна с ярко-золотой шерстью и синей мордой сулила большую удачу. И однажды утром, в день полной луны, он увидел обезьяну с ярко-желтой головой. Она пришла вперевалочку к озеру. Остановилась у кромки воды и несколько секунд смотрела в воду, словно рассматривая свое отражение, потом зачерпнула мохнатой лапой живительную влагу и выпила с видимым удовольствием. Чонг, не веря своим глазам, смотрел на это цветное чудо, боясь дышать и шевелиться. А вечером в тот же день на водопад пришел старик. Это был старый шаман. Так Чонг обрел новую семью...

Глава 3

Наверное, только старый шаман мог вернуть мальчика к жизни. В первые дни он постоянно окуривал Чонга черным дымом и поил травяным настоем. Шаман был чужаком в этой стране, по неведомым причинам он перебрался сюда из Таиланда. Жил отшельником. Говорили, что в друзьях у него были звери и птицы. Он читал заклинания, занимался муай тай¹, носил на поясе в мешочках мощи почитаемых им шаманов. Жил один в хижине на горе, откуда открывался красивый вид на долину и реку молочного цвета. Каждый вечер, перед сном, Чонг рассматривал рисунки на теле старого шамана. Ничего подобного не было на теле его отца. Рисунки притягивали и рождали легкий туман в голове Чонга. Шаман засыпал, а мальчик мысленно просил его повернуться на другой бок. Если «поворот» случался, Чонг радовался и изучал знаки, интуитивно чувствуя силу, исходящую от них.

Как-то утром старый шаман достал сверток, обернутый полуистлевшей тканью. Развернул его, и Чонг увидел две стальные спицы, пузырьки с засохшими чернилами и ядом змеи. Шаман долго рассматривал концы палочек через увеличительное стекло, потом заточил кончик одной из спиц. Зажег перевязанные нитями пучки травы и стал махать ими то в сторону Чонга, то в сторону неба, то в сторону земли.

Хижина наполнилась дымом, а когда синева развеялась, шаман встал во весь рост и стал вращать кулаками, словно наматывал на них веревку. Он двигался бесшумно по комнате, потом присел на корточки, через несколько секунд вскочил и снова начал плавно двигаться по комнате. При этом губы его постоянно бормотали что-то грозно-монотонное; так продолжалось бесконечно долго.

– О чем-то просите духов? – спросил мальчик.

Шаман ответил, но не сразу:

– Прошу наделить тебя способностями. Они помогут тебе и принесут пользу другим.

Затем он усадил Чонга, и началось магическое действие: нанесение священного знака на тело. Чонг вздрогнул от первого прикосновения острого конца спицы, он не ожидал столь болезненного укола в спину. Рука мастера двигалась быстро. Мальчик закрыл глаза. Он вспомнил свирепые укусы муравьев в лесу и слезы ужаса в первую ночь в джунглях, когда поиски деревни окончились ничем, солнце стремительно садилось, а ночь укутывала все своим мраком. Боль от уколов спицы усилилась, словно тысячи стрел друг за другом впились в его тело на небольшом участке спины. Перед глазами пронеслись долгие месяцы жизни в джунглях, гниющие раны, ночные кошмары, поиски еды и смертельная слабость, которая позволяла забыться и лежать многие часы без движения. Он вспомнил, как наткнулся на кристаллы соли в пещере, долгие недели слизывал и сковыривал небольшие кусочки, которые растворялись у него во рту. Древний океан оставил их в виде черных камней, пахнувших сероводородом. От соли распухал рот, но силы ненадолго возвращались к мальчику, и тогда он мог выползти из пещеры в поисках сороконожек и личинок насекомых в расщелинах камней.

Рука мастера продолжала двигаться и создавала причудливый узор на спине Чонга. Постепенно он перестал ощущать боль, тело немного расслабилось, и в голове возникли мистические образы. Он увидел старого воина с двухсторонним ножом, боевого слона, горные вершины со снежными шапками, трех летающих тигров, великана, перешагивающего реку. А еще он почувствовал духов, словно легкие тени они окружили Чонга и, казалось, пронзали все его существо своими взорами. Вся эта мистерия рождала ощущение радости.

Чонг очнулся и спросил шамана:

– Чей это праздник?

¹ Муай тай – боевое искусство Таиланда. Что в переводе означает «поединок свободных» или «свободный бой».

– Твой, – ответил шаман. – Это твои покровители, мой маленький друг, это твоя новая семья. Я нанес тебе тату Ханумана, что означает «бог обезьян». С древних времен это символ ловкости и выносливости. Хануман способен к быстрым перемещениям по любым землям, он обладает невероятной силой.

– Для чего? – спросил Чонг.

– Рисунки на моем и на твоем теле соединяют в себе буддистские псалмы, молитвы, шаманские заклинания и индуистские традиции. Тела тайских воинов расписаны такими символами, во все времена их называли «солдаты-призраки». Они неуязвимы и бесстрашны. Я делал Сак Янт² всю свою жизнь, мой отец тоже был шаманом, он и передал мне рецепт чернил и все тонкости этого ритуала. Обезьяна Хануман – мой покровитель, наделивший меня способностями видеть в темноте и не знать усталости. Теперь я передаю тебе часть моих сил и тайных знаний через этот Сак Янт. С опасностью ты и сам справишься. Сложнее справиться с алчностью, гордыней, когда ты живешь среди людей и особенно, когда тебя искушают женские чары.

– А что это такое? – уточнил Чонг.

– Вот смотри, бегают у нашего дома собаки, одна пристает к другой. И желание пристроиться сзади у пса такое сильное, что вытесняет все другие желания. Так и у людей возникает привязанность от одного желания, и больше свежий ветер не дует им в лицо, и воля человека подчиняется этому стремлению, делая его слепым. Он, как муха в окне, неистово и однообразно старается выйти через стекло к маячку под названием «иллюзия счастья».

Чонг не очень понял аналогию с собаками. Однажды ночью он видел, как его отец лежал на матери. Она попискивала, как птица; казалось, что им обоим нравится лежать друг на друге, а утром они были прежние, и ветер как обычно стучался в окна и раздувал одежды.

Шаман закончил. Рисунок на спине Чонга обжигал. Ощущения были противоречивые: и приятно, и больно одновременно.

Этот ритуал и Хануман на спине, а может и что-то другое, подействовали, но раны Чонга затянулись быстро, и жизнь потекла ровно. В свободное время он плавал и занимался с шаманом тайским боксом, постигал грамоту, научился начитывать воду, брать силу у животных, чувствовать опасность и общаться с лесными духами. Сон стал спокойным, и больше мальчик не прислушивался к каждому звуку в ночи. Старый шаман был очень добр к Чонгу, делился всем, что знал сам. Как-то он вспоминал о своей стране, о волнующемся море, прекрасном, как перышки птички, живущей в бамбуковой роще, и, закончив, завел разговор:

– Ты хороший мальчик, и ты сильный духом, хотя и мал совсем. Многим и за всю жизнь не испытать то, что ты уже пережил. Я счастлив считать тебя своим сыном и буду благодарен, если ты выполнишь мою просьбу.

– Ты и есть мой отец. Сделаю все, что ты скажешь.

– Когда я уйду в нижний мир, отвези мой прах в Таиланд.

Чонгу стало очень грустно при мысли, что он снова останется один. Но он дал крепкое слово своему учителю, что сдержит обещание. В ту пору ему исполнилось тринадцать лет.

Прошел еще год. Солнце и луна по очереди занимали место на небосклоне, один сезон сменялся другим. Живя в лесу, он научился управлять своими мыслями и останавливать страх, который вползал в него ближе к вечеру и постепенно убивал душу. Он перестал чувствовать одиночество, одушевляя каждый камушек и травинку, разговаривая с водой и лесными духами. Чонг узнал, что духи как ветер, они вокруг, и, если не злиться и не бояться их, они не навредят, а если уважать их территорию, то будут помогать. Чонг научился быть незаметным для зверей, не чувствовать физическую боль и голод. Лес обострил его инстинкты, а шаман придал смысл

² Сак Янт – священные узоры (в том числе [битая ссылка] татуировки), которые делаются в странах юго-восточной Азии, в основном в [битая ссылка] Таиланде и [битая ссылка] Камбодже. Сак Янт содержат буддийские молитвы и магические элементы, которые, как считается, дают обладателю определенные предпочтения, такие как здоровье, сила, защита, благорасположение окружающих. Выполняются черными или бесцветными чернилами.

жизни и упорядочил его мысли. Но шаман был совсем стар, и однажды, глядя на полную луну, он сказал:

– Я видел сегодня мертвую Золотую обезьяну. Это животное – отражение меня, скоро и я уйду. Я заставил смерть долго ждать. Мой мальчик, я всегда буду с тобой в виде Ханумана на твоей спине. Твоим отражением будет тигр. Ты наделен даром влиять на людей и предвидеть будущее. Если захочешь, сможешь лечить, прикасаясь к телу человека. Для твоей души важна тишина. Твои глаза будут подмечать все вокруг. Твое тело сильное от природы – научись направлять свою энергию, пронеси через всю жизнь занятия муай тай. У тебя не будет врагов, потому что ты прирожденный боец и равных тебе нет от Бутана до Малайзии. Ты вырастешь очень независимым, и твоя сила будет привлекать всех, но для тебя нет темы власти, ты есть ее вершина.

Вскоре шаман ушел, и мальчик резко повзрослел, не испытав страха перед смертью и жалости к себе. Он трое суток окуривал тело своего учителя дымом травы с горы Кусинары³ и корой священного дерева Сала⁴, звонил в колокольчики и читал мантры. К концу третьих суток убил оленя и отвез на место сожжения шамана в небольшую пещеру у водопада...

Во время сожжения пришел тигр, остановился в нескольких метрах от пещеры.

Собрав прах шамана, часть его Чонг развеял над рекой у дома, где жил старик, а часть сложил в мешочек, прибрал поближе к сердцу и пошел искать своих родителей.

³ Гора Кусинара – место, где, согласно преданию, умер Будда.

⁴ Сала – священное дерево, на его ветках одновременно распускаются цветы и зреют плоды. Ароматные цветы имеют яркую окраску оранжево-розового цвета, после опыления они превращаются в плоды, по размеру и форме похожие на пушечные ядра, кисло-сладкие на вкус и имеющие неприятный запах. В [битая ссылка] буддийских традициях утверждается, что [битая ссылка] Будда Гаутама был рожден под этим деревом.

Глава 4

Родители Чонга не узнали в худом чумазом четырнадцатилетнем подростке своего сына. Лишь старая хромая собака, собрав остатки сил, вылизывала его ноги и радостно виляла хвостом. Мужчина и женщина пожалели парня и предложили помогать им по хозяйству, по уходу за больными людьми и домашними животным, выдали ему одежду и определили угол на кухне. Мальчик сам смастерил небольшую деревянную лавку, под нее сложил все богатство, которое ему досталось от шамана, и зажил новой жизнью. Он быстро приспособился к нехитрой жизни родителей, чувствовал их печаль по пропавшему сыну и сострадание ко всему живому. Его мать пела песни, когда варила еду; обычно это были рис или лапша. По воскресным дням и праздникам она готовила сладости из кокосовой стружки и раздавала деревенским детям. Отец регулярно выбирался в лес, приносил травы, перевязывал их аккуратно и развешивал в тени под крышей, потом перетирал их в ступке и заваривал настои. В доме всегда были запахи леса. Он помнил с детства этот смешанный аромат горечи трав и кокосового масла. Он частенько по-мальчишески хотел прижаться к матери, ощутить ее теплое, немного полноватое тело. Но вместо этого наблюдал за ней из своего угла и старательно выполнял все ее поручения.

Однажды приехали люди из столицы – малярией заболел важный чиновник. Приступы сильного озноба, высокой температуры и обильного пота продолжались уже два месяца. Врачи расписались в своем бессилии. Один из них – почтенный доктор, чье мнение в правительстве всегда было влиятельным, был учеником отца Чонга; именно по его рекомендации решено было привлечь старого лекаря. Чонг и его отец отправились в долгое путешествие. Как-то вечером, перед сном, он спросил отца о шаманах.

– Шаманы – это особый народ, они все сердцем чувствуют. У них вообще другое представление о смерти. В мир мертвых ходят еще при жизни за советами. А ты почему спрашиваешь? Я видел Ханумана на твоей спине. Тебе шаман сделал этот Сак Янт?

– Да, – неохотно ответил Чонг.

Больше они не возвращались к этой теме. Но Чонг постоянно думал о том, насколько разные живут люди под одним небом. Он видел, как его отец боится своего бессилия перед лицом смерти. Как верит травам, но не чувствует их души. Как закрывается в своих воспоминаниях о сыне и не узнает его, живущего рядом.

К вечеру следующего дня они добрались до места. Застали больного в двух шагах от кончины. Здесь все их ждали и с большим уважением встретили лекаря. Отец воодушевился, распрямил спину и, осмотрев больного, велел пригласить монахов из Золотого храма. Двадцать дней монахи, не останавливаясь ни днем, ни ночью, пели мантры, а лекарь поил больного корой хинного дерева и делал кровопускание, его сын окуривал чиновника травами и тряс колокольчиками, мысленно обращаясь за помощью к старому шаману. На двадцать первый день болезнь отступила, еще через неделю чиновник сам вышел в сад и погрелся на солнышке.

На лекаря обрушились тысячи благодарностей, он и его сын возвращались домой с запасом еды на год и солидной суммой кыатов. В ночь возвращения домой Чонг признался родителям в том, что он и есть пропавший сын, рассказал о встрече с шаманом и его просьбе. Родители долго плакали, выслушав историю сына, потом бранились, что он сразу не признался им, тискали его, как маленького ребенка, молились и благодарили Будду. И еще год Чонг жил со своими родителями и был для них солнцем на небосклоне. Пациентов после того случая с выздоровлением чиновника стало больше. Отец и сын с раннего утра и до поздней ночи делали заготовки и лечили людей. Раз в две недели они уходили на два-три дня в соседние деревни и проводили осмотры, лечили молодых и старых, детей и стариков.

Чонг все время ощущал связь со старым шаманом. Он приходил к нему, когда юноша нуждался в его помощи, и уходил, когда становилось все спокойно. Иногда Чонг устраивал про-

верки, чтобы убедиться, что присутствие старика не просто выдумка. Он обращался к шаману, словно тот стоял у него перед глазами:

– Уважаемый учитель, если ты здесь, пусть эта дверь откроется.

И дверь, скрипя, открывалась.

Он постоянно помнил о своем обещании учителю, но не находил в себе силы признаться родителям, что собирается покинуть дом.

Но однажды утром внутренний диалог прекратился, и чувство вины осталось во вчерашнем дне. За завтраком он рассказал о своих планах отцу и матери. Дом погрузился в тишину, словно появился покойник. Родители плакали, их лица резко постарели, покрывшись красной тонкой сеточкой склеротических сосудов.

Они отложили все дела и провели день в медитации. А закончив к вечеру, позвали сына.

– Мы оба видели одинаковые видения, – сказал отец. – Ты сидел в окружении сотни людей, и все они смотрели на тебя с надеждой. Ты давно уже не принадлежишь нам, поступай, как знаешь, как велит твое сердце.

Юноша прижался к отцу и к матери. Теплое облако их любви накрыло его, глаза наполнились слезами, и сердце сжалось. Отец дал сыну деньги, подготовил в дорогу целительные травы и чай, мать разложила по мешочкам рис, кусочки пальмового сахара.

На следующий день, спустя пять лет после смерти шамана, Чонг покинул Бирму.

Глава 5

Бангкок вернул Чонгу ощущение опасности. Звуки города были похожи на рычание диких животных, всюду были люди в поисках работы, жилья, удовольствий. На одном из уличных рынков вблизи Королевского дворца к нему подошел невысокого роста и крепкого телосложения человек и предложил работу.

Чонг не нуждался в деньгах, его запасы тратились медленно, но в их деревне не было принято отказывать людям, а уж тем более незнакомым. Вечером он оказался в ангаре. Там висела серая туча сигаретного дыма, в полутьме были видны силуэты сидевших за столиками мужчин, они шумно спорили, выясняли отношения и с любопытством поглядывали на немногочисленных женщин, которые заметно томились, вдыхая алкогольные пары, едкий дым и запахи тел. Посередине ангара был ринг. Квадратное возвышение, огороженное канатами, точно такое, как в рассказах старого шамана во время тренировок муай тай.

Руки Чонга обмотали веревками и вывели на ринг. В противоположном углу стоял молодой таец, глаза его злобно поблескивали, он нервно пританцовывал на месте, играя кулаками, которые резко взмывали в воздух в направлении к Чонгу. Начался бой. Таец атаковал Чонга, пытаясь вонзить в него то локоть, то колено. Любой его удар встречал защиту, лицо Чонга было невозмутимо спокойным. Его противником был известный в Бангкоке профессионал муай-тай, публика активно поддерживала его все пять раундов. Но уже через несколько минут после начала боя возросло количество тех, кто оценил подготовку никому не известного молодого парня, и хлипкие аплодисменты раздавались все чаще и чаще в его адрес. Чонга за этот вечер выводили на ринг три раза по пять раундов, которые продолжались 5 минут. Вторым соперником был боец тхэквондо из Кореи Джун Со Пак, в третьем бою на ринг вышел американский кикбоксер, которого все называли «Лысый череп». Он начал демонстрировать свое огромное, как гора, тело, и зал взорвался от ликования, предвкушая легкую победу над пареньком из Бирмы. Но Чонг не знал усталости, его движения были так стремительны, что человеческий взгляд не успевал проследить прием, использованный им. За весь вечер он не пропустил ни одного удара. Чонг изматывал противников, они сдавались, не выдерживая темпа, навязанного Чонгом. Была и еще какая-то неведомая причина, которая влияла на волю противника, об этом шептались опытные бойцы и зрители. Толпа настаивала на продолжении боя. Через два часа стало понятно, что Чонг несокрушим, хотя он только защищался, и это озлобило публику. В него стали кидать еду и пустые жестяные банки, галдели и свистели. Чонга вытолкали на улицу, и какая-то женщина спрятала его в мусорном баке...

Утром Чонг отправился на поиски более спокойного места. Он знал, что самое безопасное – это монастырь, там можно укрыться от жары и определиться с дальнейшими перемещениями по Таиланду. Несколько часов он плутал по улочкам Бангкока, сталкиваясь с неразберихой и суетой, не понимая, как ориентироваться в этом огромном каменном лабиринте. Выбравшись к реке серо-зеленого цвета, он побрел вдоль берега, всюду были торговцы и причудливые строения разных эпох; все это разнообразие пугало его. И только на закате солнца он увидел заветные ворота и вошел в храмовый комплекс. Красные с позолотой крыши сияли в лучах уходящего солнца. Спокойствие царило здесь, лишь вечерние птицы и поющие где-то в глубине храма монахи нарушали безмятежную тишину. Даже местные псы, увидев Чонга, отреагировали вяло, словно охраняли покой, а не порядок этих мест. Шла вечерняя служба, монахи неподвижно сидели в позе лотоса и пели мантру очищения, он присоединился к ним и погрузился в благодное звучание их голосов. После службы Чонг подошел к старшему монаху и попросился на ночлег. Без лишних вопросов его отвели в одно из каменных строений. Это был просторный холл, у одной из стен он увидел алтарь, где горела свеча, освещающая фотографию старика со счастливыми глазами и бритой головой. Чонг устроился возле алтаря на соло-

менной циновке. Стайка комаров неустанно кружила над его неприкрытым телом, и собаки ворчали у двери, недовольные присутствием постороннего на их территории.

Свеча погасла, и ночь коснулась его сознания. Во сне к нему пришел старый шаман. Он всю ночь пел песню под звуки моря и ветра. Чонг открыл глаза и вместо темноты увидел удивительный остров с белоснежными пляжами и изумрудное море. Он вошел в воду и поплыл. Его сопровождала пестрая стайка рыб, лучи солнца, дотягиваясь до самого дна, освещали путь под водой. Когда Чонг проплывал мимо красных пористых кораллов и зеленых водорослей, песня шамана прервалась. В густой заросли он увидел тело человека – это был мужчина. Ужас и мольба о помощи застыли на его лице. Чонг устремился к нему, но море и человек исчезли, а вместо этого он увидел перед собой белую стену и фотографию на алтаре все того же бритого старца.

Вдруг кто-то лизнул его голую пятку, Чонг вскрикнул от неожиданности и приподнял голову. Тигренок, как кошка, терся о его ступни. Спинка была полосатая, а бока в пятнышках. Увидев, что пришелец проснулся, тигренок отскочил на безопасное расстояние и внимательно смотрел на Чонга, а вокруг собрались монахи, они с любопытством ждали развития ситуации. Чонг протянул тигренку руку, зверь сначала попятился от нее, а потом по-пластунски подполз и уцепился зубами в палец. Сохраняя спокойствие, Чонг дружелюбно поздоровался с рыжим озорником. Тигренок лизнул руку и улегся рядом с Чонгом, демонстративно зевая и показывая свои острые зубки.

За завтраком один из монахов рассказал Чонгу историю о том, как два месяца назад монахи верхнего храма нашли тигренка. На севере страны в засушливый сезон часто бывают пожары. Малыша нашли в выжженной части леса испуганного, совсем крошечного, с опалённой шерсткой, и принесли в монастырь. А во время празднования нового года привезли в качестве подарка в этот известный в стране храм. Тигренок прижился, но никого к себе не подпускал. Чонг оказался первым человеком, к которому подошел тигр.

Тигр по традициям Таиланда – благородное животное, общение с ним – одна из сложнейших медитаций, которые долгие годы осваивают монахи. Зверь чувствует любую эмоцию, и особенно страх. Только по-настоящему бесстрашного человека допускает к себе этот зверь и воспринимает как равного. Старший монах храма, узнав о случившемся, сам лично сделал Чонгу Сак Янт на его спине с правой стороны. Напротив Ханумана появилась магическая татуировка в виде тигра. Тигренок, которого звали Кинг, с детским любопытством наблюдал за ритуалом. А когда процесс нанесения был закончен и монах прочитал молитвы, Кинг полез по руку добродушного молчаливого мастера в оранжевых одеждах и лизнул тату своим шершавым, как наждак, языком. Чонгу предложили остаться в монастыре. Но обещание, данное старому шаману, и сон-видение звали Чонга двигаться дальше, и он отправился на восток к морю, пытаясь понять, что хотел сказать его учитель.

Глава 6

Идти можно было только на рассвете и на закате. Все остальное время солнце было жгучим, как красный перец. Итого в день получалось двигаться около пяти часов, остальное время он лежал под деревьями или останавливался в лачуге у крестьян. Делился с ними, чем мог, где кореньями, где монетами, в ответ его угощали чашкой риса и листьями бамбука. Везде простые люди жили бедно, но никто не роптал, словно они и не знали другой жизни, а просто молились богам и духам, прося здоровья и хорошего урожая. Дети тыкали в Чонга пальцами, прикасались и отбегали. Слишком необычно выглядел молодой парень для этих мест. Волосы длинные, тело худое, но даже через одежду видны мышцы. Руки жилистые, с огромными кулаками, глаза как угольки черные, и взгляд пронзительный. По всему было видно – издалека человек идет, но никто его ни о чем не спрашивал...

И вот, наконец, он добрался до провинции Трат и увидел море! Изумрудное царство, которое старый шаман сравнивал с опереньем райской птицы. Он стоял зачарованный, вдыхал аромат и слушал песни волн, взмывающих, словно крылья, раскидывающих белую пену, выбегающую на побережье. Длинные волосы Чонга выбились из резинки и, как паруса, взмывали в небо.

Чонг скинул одежду, взволнованно вошел в воду, его обдало прохладой. Соль щипала стертости на ногах. Чонг поплыл, чувствуя радость и осознавая, что в этих краях жил его спаситель, а значит, это родные и для него места. Совсем скоро он исполнит свое обещание, и прах учителя будет передан самому почтенному мастеру здешних мест. Он перевернулся на спину и ощутил, как его Хануман и тигр погрузились в прохладу, подставил лицо солнцу и, качаясь на волнах, смотрел на небо через прикрытые веки.

В свои девятнадцать лет он ощущал себя старше тех, с кем был знаком. Всего лишь раз в жизни у него был близкий друг – его учитель, старый шаман. Жизнь в лесу ему до сих пор была понятнее, чем среди людей. Но думать о будущем и прошлом бессмысленно, настоящее само всегда ставит вопросы и подсказывает ответы. Он лежал на волнах, пока не почувствовал, что замерз, и, пропитанный морским воздухом и синевой просторов, поплыл обратно.

В тот же день Чонг напросился в помощники к рыбакам и поселился на окраине маленького города. Неспешно поплыли дни. Чонг распутывал и сушил сети, спал в одной из лодок и скучал по прохладе бирманских лесов. Вечером мужчины курили траву, обсуждали жен и тайское правительство. Все радовались независимости от американцев, гордились королем и откладывали деньги на покупку телевизора. В последние годы стали приезжать толпы туристов, это сулило возможность продавать рыбу дороже и давало надежду на быстрое обогащение. Чонга не заботили деньги. Он обучал местных мальчишек приемам тайского бокса, и они слушались его больше, чем собственных родителей. Уплывал к безлюдным островам и там, сидя в тени деревьев, прислушивался к глубинному зову, чтобы понять, что делать дальше. Не исследован был только большой остров Ко Чанг, к нему надо было плыть на катере или пароме.

В этих местах ни об учителе, ни о других шаманах ничего не знали; за советом обращаться было не к кому; мозг плавился на солнце, жара стояла такая, что даже мухи летали медленно.

Но однажды ветер неожиданно усилился, и началась буря. Волны словно сошли с ума и угрожающе накатывали, хватая все с берега и унося с собой в море, пальмы гнулись к земле и сбрасывали кокосы, с крыш летели бамбуковые ветки; это наводило ужас на маленьких детей и женщин. Все живое притихло, и только ветер и море вели свой шумный разговор. Ночь продолжила вакханалию, закрыв луну темными тучами. Но как только первый отблеск лег на землю, ветер перестал хулиганить и стих. Как ни в чем не бывало засияло солнце, и разго-

ворчивая майна, ковыляя по краю лодки, в которой спал худой загорелый юноша, настойчиво будила его своей песней. Чонг накануне предусмотрительно оттащил свою постель подальше от берега. На пустынном пляже ветер и море беспорядочно сложили весь мусор: листья и ветки, куски древесины, солому. Пена, словно шампунь, залила все побережье, прикрывая следы ночного разгула. Деревня ожила, все принялись обсуждать бурю и жаловаться друг другу на нанесенный стихией ущерб. В работе рыбаков возникла пауза. Чонг решил доплыть до ближайшего острова, торчащего из воды в трехстах метрах от берега.

Море было непривычно холодным, постоянно попадались какие-то обломки и тина, словно расставляя сети, плавала у поверхности воды. Он еще издали почувствовал что-то неладное, уж очень тревожно парил дымчатый коршун, высматривая что-то в море. У скалистого берега, осторожно обходя острые ракушки, как крючки, торчащие из камней, и присматривая удобное место, чтобы выйти на берег, Чонг увидел в воде что-то бликующее на солнце. Нырнул и в толще воды увидел дайвера. Его нога в ласте застряла в расщелине камня, лицо прикрывала маска, и через стекло было видно искаженное от боли лицо. Сердце Чонга сдавило. Он с трудом вытащил тяжелое тело мужчины на берег. Дыхание отсутствовало, но, судя по коже, трагедия произошла недавно. Чонг начал оживлять незнакомца. Он перевернул мужчину на живот, перекинул поперек торчащего ствола упавшего дерева, стащил с него маску и с трудом разрезал острым камнем ткань гидрокостюма. Истошный вопль рвался из груди Чонга, он прыгал вокруг мужчины, пытаясь справиться с паникой, охватившей его, и понять, что необходимо сделать, чтобы спасти незнакомца. Он попытался резкими толчками в спину освободить дыхательные пути утопленника от воды; морская вода небольшими порциями утекала в землю. После этого Чонг уложил мужчину на спину, разжал его челюсти, стал прочищать пальцами рот, и вода, булькая, вышла из легких. Пульса по-прежнему не было. Чонг, теряя надежду, начал делать массаж сердца и искусственное дыхание. Когда-то отец говорил ему, что у утонувшего человека есть в запасе всего пять минут, чтобы его могли спасти другие люди. Если это время вышло, то шанс на спасение – только в руках бога. Тело мужчины не подавало признаков жизни, по лицу и телу Чонга тек пот, сердце билось, и, кажется, он слышал его быстрые удары. Утирая лицо руками, он начал молиться. И вдруг возникла мысль о прахе старого шамана, он носил его в специальном керамическом сосуде с крышкой, висевшем на шнурке на шее. Чонг высыпал прах себе на ладонь и стал втирать его в кожу мужчины в области сердца и легких. Примерно через минуту мужчина вскрикнул, как от ожога, и вытаращил на Чонга обезумевшие глаза. Кожа утопленника порозовела, и он попытался приподнять голову. Чонг неожиданно расхохотался. Он, смеясь, катался по берегу и не мог успокоиться. Мужчина смотрел на Чонга, и уголки губ его приподнялись; подобие улыбки появилось на лице. На вид ему было около тридцати пяти.

Глава 7

Так началась дружба между бизнесменом из Голландии и молодым шаманом. Мужчину звали Клаас, он был отчаянным путешественником и, кроме того, скупал недвижимость по всей Азии. Вот и в этот раз, вернувшись из Шри-Ланки, Клаас направился в Таиланд. Он намеревался организовать погружение вблизи большого острова Ко Чанг на юго-востоке Таиланда и посмотреть места для строительства отеля.

Все сразу пошло не по плану, долго искали шкипера из местных жителей, потом ждали баллоны с кислородом. У одного из новичков во время учебных погружений перекрыло подачу воздуха, он запаниковал на глубине двенадцать метров и начал стремительно всплывать, Клаасу удалось его успокоить, он обнял новичка мертвой хваткой и неторопливо повел за собой на поверхность воды. Клаас был самоуверен и одержим, он не мог сидеть на месте и обращать внимание на тревожные знаки.

Ранним утром отошли от острова Самуи и взяли курс на Ко Чанг. Море было спокойным, солнце жарило, молчаливое и сонное настроение царило в лодке. На спиннинг без особых хлопот доставали из моря серо-голубых тунцов и ели их с солью. Пили воду с лаймом и баночное пиво. На третий день дайв-бот был пришвартован к небольшому островку. Бриллиантово-зеленое море и белоснежный песок создавали приподнятое настроение у путешественников, мысль осмотреть местность и разбить на пару дней лагерь понравилась всем членам экипажа. На останки тунца решили ловить рыбу, надеясь поймать хищника.

Снарядили резиновую шлюпку с мотором, Клаас и таец Лун перебрались в нее.

Шлюпку качали широкие волны залива, жестко закидывали на гребень и скидывали вниз. Подготовили удочки, наживка воняла на солнце. Клаас закинул свою снасть, поплавок закачался на волнах. Лун нанизал кусочек тунца на крючок и размахнулся. Наживка тут же слетела, а двухсантиметровый крючок вонзился в пятку матроса. Grimаса боли, и дикий вопль разнесся над морской гладью. Лун опустил ногу за борт лодки, окунул ее в воду и еще раз оглушительно заорал от боли. Струйки крови рисовали на воде узор. В это мгновение дрогнула удочка Клааса, что-то большое и тяжелое под водой сначала атаковало, а потом сорвало кусочки тунца с крючка.

– Барракуда пришла на запах крови! – ликовал Клаас.

Все происходило настолько стремительно, что рыбаки не успевали адекватно реагировать, Клаас потянул удочку, барракуда заглотила крючок и отчаянно пыталась от него освободиться; в ее злобных глазах отражалось солнце. Кровь, острие крючка, борьба – все это делало ее неистово мощной, она рвалась и металась. Клаас храбро сражался с хищницей, но не удержал равновесие, и его большое тело плюхнулось из шлюпки в воду. Лун в последний момент схватил подлетевшую в воздухе удочку и втащил рыбу в лодку. Она билась и пыталась освободиться, дно было алым, кровь хищника и Луна перемешалась...

Радостные и уставшие, они вернулись на катер. Барракуда весила около шести килограммов. Мясо было невероятно вкусным, а ужин сопровождался детальными описаниями схватки с морским чудовищем и одобрительным смехом членов экипажа. Лун чувствовал рану, она была глубокой, но вкус победы действовал на него, как анальгетик, и, изрядно выпив, он заснул.

Клаасу не спалось. Он набил трубку табаком и мечтательно затянулся ароматным дымом, наблюдая за луной, которая, почти полная, висела в темном небе в окружении бесчисленных звезд. Клаас, красавец высокого роста с темными кучерявыми волосами до плеч, с ямочкой на подбородке, был неумерен в еде, и от этого на его молодом и сильном теле наметился животик. Ухо украшала странная сережка, длинная, в виде цепочки; вероятно, он взял ее у молодой девушки на память о недавней ночи. Клаас был страстным человеком. Главным увлечением

был дайвинг, затем игра на африканском джембе⁵, следом шла покупка недвижимости, потом вино, лошади и женщины. А еще страсть к изумрудам, камни привлекали его своим цветом. Он говорил, что они похожи на море, застывшее в капле.

Наступило утро, экипаж рассредоточился по острову, но через час все вернулись, сообщив, что на острове только обезьяны и пересохший ручей. Набрав бананов и манго, народ задремал в тени деревьев, не скрывая скуки. Клаас часто подмечал, что если не погружаться, то один день полностью повторяет другой. Лишь море обеспечивает новые впечатления. Он предложил продолжить путешествие и не зависать на слишком маленьком островке с крохотным пляжем и дерзкими обезьянами, норовившими что-нибудь стащить.

Собравшись за полчаса, они снова вышли в открытое море. Грустный с похмелья, Лун сидел на носу катера и докладывал:

– Левый борт – ядовитая пурпурная медуза, известная как португальский кораблик.

Ее цветной купол проплыл рядом с бортом.

– Правый борт – стайка летучих рыб, отрыв от поверхности один метр, длина прыжка три метра.

Озорные рыбки устроили аттракцион и, словно соревнуясь, неслись рядом с катером параллельным курсом. Никто не реагировал на попытки Луна оживить атмосферу. Капитан по имени Сагда монументально стоял за штурвалом, это был полноватый таец лет тридцати, казалось, он никогда не терял равновесие, несмотря на качку, и не переживал сильных эмоций. Компания из четырех дайверов, две девушки и двое мужчин, лежала на верхней палубе в тени и дремала; эти четверо специально прилетели в Таиланд из Амстердама к Клаасу на обучение. Катер шел на небольших оборотах, в среднем 22 узла, торопиться было некуда. Поверхность воды блестела, казалось, что морские обитатели спят где-то глубоко на дне, прячась от солнца.

К полудню на небе появились облака, похожие на сладкую вату, поднялся небольшой ветер. По расчетам почти весь путь был пройден. Клаас за ужином озвучил:

– Завтра с утра – учебное погружение, а после обеда будем у цели.

Остров Ко Чанг, цель их плаванья, был почти заповедным и немногочисленным местом. Свободная земля и бросовые цены на недвижимость привлекали Клааса.

Спокойный день мягко перетек в спокойный вечер. Якорь бросили у очередного небольшого острова, катер приятно качало на волнах, как ребенка в люльке. Клаас, докурив трубку, погрузился в сон.

Ночь растаяла. Наступило утро. Волны бились о борт катера. Мимо проплыли несколько рыбацких шхун. Вялые и медлительные спросонья ученики приготовили оборудование и переоделись в костюмы. Это погружение должно было пройти без Клааса. Нырять сами должны были распределить между собой роли ведущего и ведомого и меняться каждые 15 минут. Море казалось холодным и неприветливым. Но погружение было спокойным, стандартно и четко по инструкциям они погрузились на 12 метров. Подводный мир был вполне дружелюбен. Дайверы проплывали над красивыми огненно-рыжими ветками кораллов, которые были хорошо видны на глубине в прозрачной воде. Стаи разноцветных рыб шустро растаскивали кусочки сухариков. Минут через 40 сначала пузыри, а затем и головы ныряльщиков показались на поверхности воды. Когда Клаас тоже решил охладиться, довольные ученики сушили на солнце, обмениваясь впечатлениями, и готовили завтрак. Лун без охоты, жалуясь на боль в ноге, но, не смея отказать Клаасу, натянул гидрокостюм. Привычно, подобно тому, как каждый из нас выходит из дома, они друг за другом прыгнули в воду.

⁵ Джембе – традиционный барабан Мали в форме кубка. Он проник на территорию всей Западной Африки – в Сенегал, Гвинею, на Берег Слоновой Кости. На Западе он стал известен лишь в 40-х гг. XX века, когда группа Les Ballets Africains начала давать представления по всему миру. В последующие годы интерес к джембе быстро и сильно рос; сейчас этот инструмент очень популярен и используется в великом множестве музыкальных коллективов. Но джембе и сейчас в некоторых отдаленных регионах может использоваться для передачи сообщений на расстояние.

Морской мир живет вне земного времени. Сначала идет пласт, в котором неопытных ныряльщиков часто охватывает паника, их пугают эти ворота в другое измерение. Затем наступает расслабление, страх переходит в эйфорию и умиротворение. Это пласт нирванического морского пространства, в котором ты непрошенный гость. Примерно на глубине двенадцать метров дайверу может казаться, что он становится частью морского мира, скорость жизни замедляется и затихает. Лишь опытные ныряльщики знают, что это обманчивая гармония, в любой момент благодатная картина внезапно меняется, и пасть какой-нибудь морской твари становится гробницей для другого морского обитателя.

Клаас плавно, метр за метром погружался в море. Вода была прозрачная, где-то под ним, метров на 40 ниже, виднелись камни, разбросанные по дну, одинокие рыбы, похожие на акул, караулили жертву, застыв неподвижно и поджидая момент. Вдруг он почувствовал неприятные ощущения в области живота, тревога подступила внезапно. Панические атаки когда-то случались с ним в детстве, во время попыток освоить серфинг, столь популярный на побережье Северного моря. Но во взрослой жизни ему, пожалуй, и не было знакомо это чувство страха. Он остановился и подал тайцу сигнал. Наверху начинался шторм. Переглянувшись, оба начали медленно всплывать.

Катер снялся с якоря, и, стараясь уйти от непогоды, взял курс на Ко Чанг. Но через час их настиг сильный порывистый ветер. Вдали виднелся небольшой пятючок земли, который неуклюже торчал посередине моря, птицы заполонили его, словно давая понять, что здесь все занято. А ветер усиливался, поднимал волны и заливал лодку водой; казалось, море хочет проглотить катер и, вволю наигравшись, выплюнуть. Новички тревожно переглядывались, только толстый капитан и Клаас сохраняли спокойствие: им нравится такой поворот событий. Они распечатали пиво, отпуская шутки в адрес побледневших девушек. Но внезапно лодка дернулась, наткнувшись на что-то в воде, послышался резкий звук. Сагда скомандовал:

– Стоп машина!

Все замолчали. Клаас застегнул молнию на костюме, надел маску и стремительно прыгнул в воду. Уже из воды крикнул:

– Посмотрим, каков размер проблемы!

Он нырнул под катер, пытаясь понять, что послужило причиной аварии. Трещина размером в двадцать сантиметров выглядела угрожающе в мутной воде. Кислород в легких закончился, нужно было подняться на поверхность и набрать свежего воздуха. Но он не успел – волна, увеличенная ветром в десятки раз, подхватила лодку и отбросила ее в сторону, поперечная балка задела Клааса, он выронил фонарик и на несколько секунд потерял контроль. Через несколько секунд очередная волна поглотила его и понесла, скручивая, как белье в центрифуге стиральной машины. Почувствовав, что скоро последует новая атака морской стихии, Клаас начал стремительно всплывать вверх за воздухом. Он успел сделать короткий вдох, но море утянуло его снова под воду, а потом со всего размаху швырнуло на камни.

Он очнулся в сумерках, очертания места были съедены непогодой. Катера не было видно. Болела нога. «Кажется, перелом», – подумал он. Очки, ласты и костюм – все странным образом уцелело. Ночь делала происходящее предельно опасным. Клаас представил, как позвонят его жене и сообщат, что он бесследно пропал, обезображенные останки тела найдут у берега.

«Плыви», – скомандовал внутренний голос. «Куда?» – отозвался Клаас.

Он включил лампочку на компасе, пристегнутом к руке. «Может, это конец», – подумал он.

Внутренний голос настаивал: «Плыви, если хочешь жить».

Тело сжалось, он, словно маленький мальчик, неуверенно сполз в воду с крохотного участка суши, торчащего из воды. Неприятный соленый шлепок, как пощечина, ударил по лицу. Клаас, мысленно проговаривая: «Вдох, выдох, вдох, выдох, нельзя допускать мрачных мыслей», поплыл по темному бушующему морю.

Он чувствовал холод бездны под собой и сильное жжение в ноге. Чтобы отогнать мысли о смерти и избавиться от паники, Клаас изо всех сил пытался контролировать дыхание и плыл, загребая воду, периодически посматривая на компас и откашливая воду. Ночь и море слились воедино. По его расчетам, до берега оставалось немного, 5 – 6 миль. Морская соль царапала и раздирала горло, губы разбухли и онемели, глаза ничего не видели, он все время терял направление движения. Слои воды были разные по температуре, то холодные, то ледяные, они не позволяли согреться даже активно двигающемуся телу. Порой ему казалось, что кто-то касается его под водой; он представил, как медуза морская оса жахнет его своим ядом. Но внутренний голос молил не терять контроль над дыханием, не вникать в ощущения в теле и отгонять чудовищные мысли. Он снова и снова занывал под приближающую волну, несколько секунд плыл под водой, а потом появлялся на поверхности, чтобы глотнуть воздух.

Это была безумная схватка, было проще смириться. Теперь он отчетливее слышал только один голос:

– Вот и все, такой вот неожиданно ожидаемый конец, надежды на спасение нет...

Клаас наполнил легкие воздухом, закрыл глаза и представил себя маленьким мальчиком с мячом, потом представил, что он и есть этот мяч, которой не сопротивляется стихии, а просто подчиняется морскому безумию. Он прочитал молитву, обращаясь к Иисусу, и мантру, обращаясь к Будде, расслабил и отпустил тело. Волны подхватили его и понесли по вedomой только им траектории.

Утром его нашел Чонг.

Глава 8

Чонг не ожидал от праха шамана такого лечебного эффекта. В тот момент, когда лицо мужчины «поплыло» и стало превращаться в лицо утопленника, некогда было рассуждать, он делал все, доверяясь только инстинктам. «Может быть, дух старого шамана будет проявлен в Клаасе», – рассуждал он.

Но, кажется, Клааса ничего не меняло. Ненасытность была его топливом. Катер с остальными членами экипажа в ту ночь благополучно добрались до берега и вызвали спасателей. Но Чонг оказался ближе. Клаас любил море как место, которое максимально позволяет получать удовольствия от жизни. Адреналин был обязательной частью приключений. О последнем случае он рассуждал просто:

– Ничто не может меня убить, море для меня точно не опасно.

Чонг наблюдал и надеялся, что европеец станет мудрее и его жизнь начнет приносить больше пользы ему самому. Клаас, в свою очередь, понимал, что этому пареньку он обязан жизнью; он привязался к Чонгу, оценив его независимый нрав. Тот жил, словно у него уже все есть. Будучи на пятнадцать лет старше Чонга, именно с ним Клаас ощущал спокойствие, словно возвращался в родительский дом.

Но приближалось время дождей. В конце мая все европейцы покидают мокрую Азию. Пора было возвращаться на родину, жена и дети требовали присутствия главы семейства.

Класс предложил Чонгу стать управляющим его делами на период отъезда и перебраться из Трата на Ко Чанг. Чонг не знал, что ответить другу. Он, не выполнив миссию, истратив прах шамана на спасение Клааса, занимался с детьми, периодически лечил неразумных дайверов, которые то быстро всплывали, то погружались чаще, чем мог позволить им организм. Чонг наедался тарелкой риса и не проявлял ни к чему интереса, он был человеком без дома, словно, однажды заблудившись в джунглях, так и не вышел к людям. Но все же молодой мьямма лэйа⁶ согласился на предложение Клааса.

А когда тот отбыл, туристы из-за дождей разъехались, и дел не стало вовсе, Чонг ушел в дикий лес. Он надеялся, что там, где начинается борьба за выживание, возвращается вкус к жизни.

Ливни не прекращались несколько недель, все звери и птицы попрятались. Однажды утром Чонг проснулся от тишины. «Дождь закончился», – подумал он. И в этом безмолвии услышал голос шамана!

– Милый мой мальчик, ты живешь праведной жизнью, ты приехал в места, где молодым пареньком носился по волнам страстей и я. Ты изводишь себя мыслями о том, что не имел право так поступить с моим прахом, и не знаешь, что делать дальше в чужой стране. Ты надеешься, что тишина лесов снова напомнит тебе себя живого. Сын мой, у такого, как ты, нет другой задачи, кроме как служить детям. Дети – это все неразумные взрослые, которые верят в свое могущество и не замечают истинных хозяев этих мест. Мы должны помогать им, мягко исправляя природу и законы их бытия. Ты поступил верно, используя прах. Каждый имеет право быть спасенным. Жизнь – это самое большое сокровище. Только мой дух и твоя решимость могли вытащить Клааса из когтей смерти. Возвращаясь к людям и помни, что время отшельников прошло, только сострадание и любовь имеют в этой жизни значение. Пусть твой день состоит из нехитрых ритуалов: купания в море для пробуждения, тренировки муай тай для бодрости и силы в теле, наведения чистоты и порядка в материальном и ментальном мире, общения с людьми и духами, созерцания и наблюдения за детьми, животными и растениями, сбора урожая и посадки нового – ничего особенного, ничего сложного. Все, что должно случиться,

⁶ Человек из Бирмы.

случится, и от этого нельзя ни спрятаться, ни убежать. Мы, словно воины, просто ждем, когда нас призовут, таков наш путь. Я люблю тебя, мой мальчик, возможно, ради встречи с тобой я пришел в Бирму, и нет в моем небытии ни грусти, ни печали!

Старый шаман замолчал. Чонг ощутил безмерную любовь к нему и заплакал. Это были его первые слезы после слез ребенка, заблудившегося в лесу и потерявшего всякую надежду. Это были слезы облегчения. Он увидел внутреннее солнце, и, купаясь в его лучах, услышал музыку леса, которая превратилась в прекрасную симфонию; духи возрадовались и в знак одобрения наклонили к нему ветку с бананами. Чонг снял плоды, засмеялся и зашагал в деревню. К нему вернулась ясность.

Глава 9

Течение жизни мягко и плавно вело Чонга. Он приглядывал за строительством апартаментов для туристов, по книгам, оставленным Клаасом, учил английский язык. На Ко Чанге нашлись старики, лично знавшие старого шамана. Чонг даже подумал, что учитель специально подослал их ему в помощь, чтобы больше не сбивался с пути. Он играл с ними в настольную игру «дженга»⁷ и натирал их по вечерам мазями от ревматизма и подагры. Оба старичка были веселыми, они радовались каждому дню жизни, подмигивали одиноким старушкам, те готовили им сладости из кокоса.

– Сколько еще осталось? Год, может, меньше, странно тратить время на печаль и злобу, – рассуждали они вслух.

У одного из них арендовала комнату англичанка, это была молодая девушка, чуть старше Чонга, которая училась в Лондонском университете искусств и приехала на остров за азиатским колоритом. Она взялась рисовать портреты старцев, а по вечерам играла с ними в дженгу. Девушка была нежная, немного замкнутая, казалось, ее интересовали только пейзажи и красивые лица людей. В один из визитов Чонга они встретились. Доротея, так звали девушку, позвала его к себе показать наброски. В комнате пахло маслом жасмина и краской, она стояла на каменном полу босая. Длинная юбка подчеркивала силуэт, она постоянно поправляла лямку желтой майки, которая сползала с плеча на ее загорелую руку. Белая штора на окне, как парус, надувалась от ветра. Несколько картин, подсыхая, стояли вдоль стен. Чонг увидел эскиз моря, где зеленая, голубая и белая краски, соединяясь, создали волну. На второй картине оба старика сидели на камнях, щуя глаза от солнца. Их морщинистые лица были прекрасны.

– Ты любишь рисовать стариков? – спросил на плохом английском Чонг.

– Да, – слегка краснея, ответила Доротея. – Я вижу в их морщинках отметины судьбы. Много полутеней, теней и света, это всегда сложно и интересно.

– Да, хорошая картина, – отозвался он.

– Давай я тебя нарисую, – вдруг предложила девушка.

– Нет уж, это совсем ни к чему. У меня еще мало морщин, – пошутил Чонг. – Я приглашаю тебя завтра съездить в одно местечко. Тебе понравится.

– Конечно, – отозвалась Дора.

Ее пугал этот молодой мужчина, но, очарованная его экзотичной внешностью, она смотрела на него, не отрывая взгляда.

Утром следующего дня его байк громко закашлял под окном в тот момент, когда Дора достала все свои наряды и лихорадочно выбирала что-то подходящее для этой поездки. Ее сердце билось, а мысли путались. Наконец она выбрала пеструю юбку и вышла к Чонгу под смешливо-хитрыми взглядами стариков, которые пили холодный чай за деревянным столом около дома.

⁷ Дженга – это башня из деревянных брусков, которая растет вверх, падает и снова растет! Дженга – игра на ловкость рук, смекалку и чувство равновесия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.